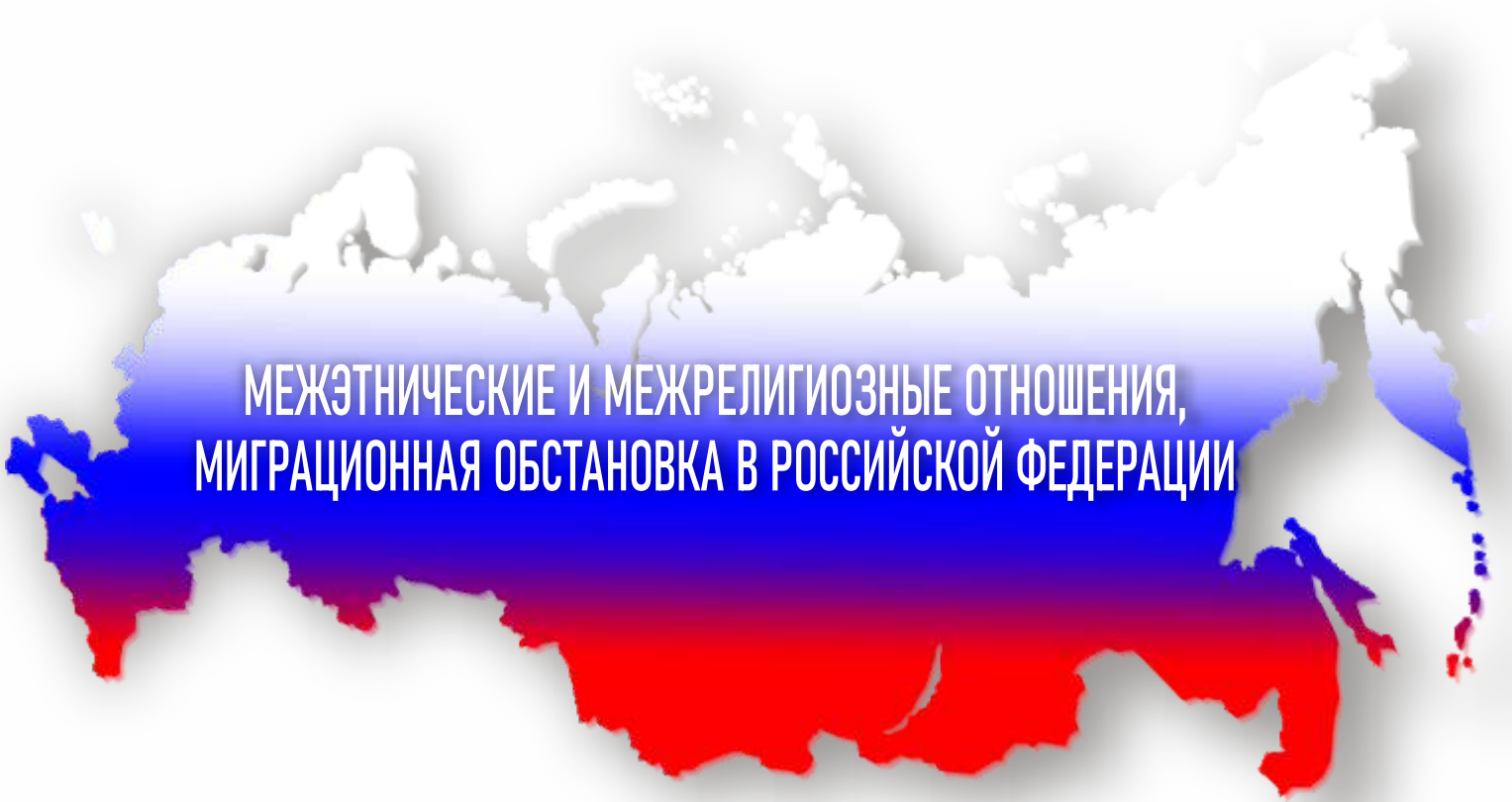

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

A map of the Russian Federation is shown with a blue and red gradient overlay, resembling the Russian flag. The text is centered over the map.

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ И МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЕ ОТНОШЕНИЯ,
МИГРАЦИОННАЯ ОБСТАНОВКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Экспертно-аналитическая отчет
январь - 2025 года

Конфиденциально

Экспертно-аналитическая справка

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ И МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, МИГРАЦИОННАЯ ОБСТАНОВКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (январь – 2025 г.)

В настоящем экспертно-аналитическом материале на основе мониторинга открытых источников информации в сети «Интернет»¹ проведен комплексный анализ социально опасных резонансных событий, имевших как межэтническое (межнациональное) и межрелигиозное (межконфессиональное) измерение, так и миграционное основание (т.е. «антимиграционную» риторику), в числе прочих последствий получивших и негативный отклик в российском информационном пространстве в январе 2025 г.

Сегодня, в условиях проведения Россией специальной военной операции и гибридной войны, развязанной против нее в разнообразных сферах, вопросы поддержания этнополитической стабильности, сохранения устойчивого мира и укрепления согласия в сфере межэтнических и межрелигиозных отношений, по-прежнему являются релевантными траекториями направленного действия со стороны органов государственной власти (прежде всего, в части реализации государственной национальной политики и системы обеспечения национальной безопасности) и институтов гражданского общества.

Недружественные страны в 2024 г. систематически осуществляли попытки вмешательства в российские внутренние социально-политические процессы, направленные на подрыв межнационального и межконфессионального мира и согласия в России, но успеха в этом направлении не достигли. Это следует из [доклада Московского бюро по правам человека «Преодоление агрессивной ксенофобии и радикального национализма в Российской Федерации: итоги 2024 г.»](#). Заслуживает внимания ключевой тезис упомянутого документа, который, в частности, прямо подтверждается результатами мониторинга, сбора, обработки

¹ *Справочно.* Источники информации: информационные агентства; сетевые СМИ; интернет-ресурсы (сайты) традиционных СМИ; онлайн справочники (словари, энциклопедии); социальные медиа (социальные сети – коммуникационные сети, блоги, видео-хостинги, форумы (тематические форумы, региональные и/или городские форумы), электронные неофициальные СМИ).

Примечание. В настоящее время, существенное количество информационных поводов и трендов российского медиaprостранства, имеющих различную тональность и коннотацию (позитивную / нейтральную / негативную), формируются в социальной сети Telegram. Именно это обстоятельство требует предельного сосредоточения исследовательского и экспертного фокуса при мониторинге информационных поводов на социальной сети Telegram.

и анализа сведений и информации о социально взрывоопасных резонансных событиях, имевших как межэтническое (межнациональное) и межрелигиозное (межконфессиональное) измерение, так и исключительно миграционное основание (т.е. «антимиграционную» риторику), а в числе прочих последствий получивших и крайне негативное развитие в отечественном информационном пространстве в 2024 г.. Так, как уже было упомянуто выше, продолжились попытки внешнего деструктивного воздействия на российское общество со стороны тех или иных структур коллективного Запада, а их конфронтационная политика активно спекулирует на теме межнациональных различий, этнического и религиозного многообразия как инструмента для ослабления российской государственности. Президент России Владимир Путин **отметил**, что «Запад, используя привычную тактику разжигания национальных конфликтов, стремится не просто сдержать развитие России, а превратить ее в управляемое и ослабленное пространство». В условиях нарастающего деструктивного давления, прямого вмешательства внешних сил в межнациональные и межрелигиозные вопросы России особое значение приобретают выходящие на передний план внутренние вызовы, обусловленные зачастую социально-экономическими сложностями, низкой правовой осведомленностью («грамотностью») населения и слабым участием региональных властей в решении острых социальных проблем, в частности, в сфере миграции и урегулирования социальных конфликтов.

Примечательно, что установленные закономерности и тенденции в сфере межнациональных и межрелигиозных отношений в 2024 г. не просто сохраняют свою актуальность, но и проявляются с особой силой и интенсивностью в январе 2025 г. Наряду с фиксируемыми деструктивными событиями и явлениями в искомой сфере, не следует умалять того, что реализация базовых положений Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 г. – ключевой инструмент поддержания гармоничных межэтнических и межрелигиозных отношений. Так, в стране активно развиваются национально-культурные автономии, реализуются масштабные культурно-образовательные инициативы, направленные на укрепление единства многонационального российского общества. Возрастает интерес к сохранению этнокультурного наследия, традиций и языков народов России, программы по защите языков коренных малочисленных народов получают дополнительную поддержку, число проектов в культурно-образовательной сфере, ориентированных как на развитие, так и укрепление этнического самосознания и идентичности, стабильно растет. Реализуются меры содействия социальной адаптации мигрантов, такие как: организация специальных курсов русского языка и культурных программ, профилактика межэтнических конфликтов в крупных городах и населенных пунктах, где наблюдается весьма высокая концентрация иностранных граждан – трудовых мигрантов. Несмотря на перечисленное, сохраняются проблемы, связанные с нелегальной миграцией, ее влиянием на рынок труда, социальный климат и уровень преступности.

Как на протяжении 2024 г., так и в январе 2025 г. борьба и противодействие разнообразным проявлениям экстремизма (этнического, религиозного или

политического), терроризма и радикализма остается наиболее приоритетной задачей для страны в области обеспечения безопасности, требующей уделять центральное внимание предотвращению распространения радикальных идеологий среди молодежи, выявлению, пресечению и ликвидации деятельности деструктивных религиозных, националистических и иных групп, блокировке экстремистского контента в цифровом пространстве.

Вместе с тем вызовы и угрозы в межнациональных отношениях в январе 2025 г. в большей мере детерминированы прежними факторами.

Высокая интенсивность миграционных процессов и проблемы адаптации мигрантов. Увеличение численности мигрантов из постсоветского пространства (прежде всего из стран Центральной Азии) ожидаемо приводит к росту социальной напряженности в регионах с высокой концентрацией приезжих.

Миграция становится принципиальным вызовом для межэтнических (межнациональных) отношений в России в январе с.г., поскольку значительная доля резонансных событий, имеющих этническую (национальную), а, порою, и религиозную коннотацию, обусловлена деятельностью мигрантов и миграцией в целом. Проблемы, как показывает мониторинг резонансных событий в январе 2025 г., кроются в таких обстоятельствах и факторах, как: сложность адаптации мигрантов к российским социально-культурным и правовым нормам (а, порою, откровенное отсутствие желания у мигрантов встраиваться в российскую социально-правовую среду); недостаточный либо крайне низкий уровень знания русского языка у существенной доли мигрантов, что также сильно затрудняет их интеграцию в российское культурное пространство; латентная преступность в части нарушения требований и предписаний миграционного законодательства, сопутствующая формированию теневого сектора экономики и криминогенной обстановки; недостаточное развитие инфраструктуры для приема и размещения мигрантов и др.

Важно обратить внимание на то, что распространение националистических и экстремистских идеологий представляет собой серьезные угрозы. Как правило, эти угрозы выражаются в опасностях активизации радикальных группировок, попытках вовлечения молодежи в религиозный экстремизм, распространении экстремистского контента через интернет. Наряду с постоянными нарушениями норм международного гуманитарного права украинскими вооруженными формированиями, наемниками и их спонсорами в лице стран блока НАТО, военно-политическим руководством Украины **активно используются** в своей преступной деятельности террористические и экстремистские организации.

Полиэтнические регионы (Северный Кавказ, Поволжье, Дальний Восток) сталкиваются с некоторым уровнем социальных диспропорций, что потенциально может вызывать напряженность. Среди основных проблем – высокий уровень **безработицы, ограниченный доступ к образованию и медицинским услугам**, недовольство коренного населения экономической активностью мигрантов.

Сегодня основными причинами межэтнических конфликтов выступают: недостаточная интеграция мигрантов, конкуренция за рабочие места и

социальные ресурсы, стереотипы и предвзятость в отношении этнических сообществ, внешняя «раскачка» и раскрутка информационных поводов с акцентом на этническую и/или религиозную принадлежность участников. Распространение враждебных материалов в сети «Интернет» стимулирует межэтническую и межрелигиозную напряженность. Основные вызовы и угрозы, как показывают мониторинговые исследования в январе 2025 г., состоят: во-первых, в дезинформации, направленной на разжигание бытовых социальных конфликтов; во-вторых, в попытках координации радикальных и противоправных акций через ресурсы социальных медиа; в-третьих, во внешнем вмешательстве в национальную политику и общественно-политические процессы в России.

Нельзя не отметить, что рост бытового национализма и ксенофобии представляет опасность для межнационального мира, где факторам риска отнесены: экономические трудности, вызывающие негативное отношение к мигрантам; активная пропаганда идей национального превосходства; усиление этнических стереотипов, ксенофобии; рост преступности видам и составам преступлений, например, насилие.

Несмотря на достаточно стабильную обстановку в области религиозно-конфессиональных отношений, существуют определенные риски развертывания межконфессиональной напряженности. Потенциальные причины могут быть детерминированы деятельностью радикальных религиозных групп, внешним влиянием на религиозную сферу, конфликтами интересов между различными конфессиями и др.

Вместе с тем следует отметить, что низкий уровень информированности (в т.ч. общих представлений) населения о традициях и культуре других народов способствует росту непонимания и предвзятости, чему причиной выступает как слабая межкультурная коммуникация и нехватка образовательных программ, формирующих толерантность, так и ограниченное участие федеральных СМИ в просветительской деятельности.

Таким образом, к январю 2025 г. межнациональные и межрелигиозные отношения в России сохраняют сложную динамику, сочетающую элементы стабильности и скрытых противоречий, которые формируются под влиянием внутренней политики и массивного внешнего воздействия, экономических факторов и международного контекста.

К ряду смыслообразующих тенденций, проявляющихся прямо или скрыто в призме резонансных событий и негативных информационных поводов, следует отнести следующие тренды:

1. «Запрос» на формирование российской общегражданской идентичности продолжает доминировать в российском социуме. Законодательные инициативы, такие, как ужесточение регулирования НКО, контроль над образовательными программами и продвижение традиционных ценностей, усиливаются. Вместе с тем внешние деструктивные силы пытаются преподнести это процессы как основание для маргинализации некоторых этнических/религиозных практик, воспринимаемых как угроза общегражданскому единству.

В национальных республиках (Чечне, Дагестане, Татарстане) сохраняется баланс между лояльностью федеральному центру и сохранением местной (аутентичной) этнокультурной идентичности. Спекуляции по дестабилизации ситуации в регионе могут быть инспирированы в направлении «раскачки» тем уровня безработицы в соответствующих регионах и т.н. ограничения автономии, способного спровоцировать недовольство среди различных слоев населения, особенно молодежи, а также того, что различного рода проблемы частично нивелируются силовыми методами либо инвестициями в инфраструктуру.

2. Влияние специальной военной операции. Ожидается высокая вероятность спекуляций на тему т.н. «непропорционально высокого участия» выходцев из Северного Кавказа и других национальных регионов в боевых действиях, что, якобы, способно вызывать напряженность в их общинах, развить антивоенные настроения. Другое направление деструктивной работы внешних сил – попытка дискредитации российских государственных информационных структур, роль и деятельность которых в целом концентрируется, якобы, на формирование образа «внешнего врага», когда тема внешней угрозы может использоваться для укрепления межнациональной солидарности, временно снижая видимые социальные конфликты на межнациональной и/или межрелигиозной почве.

3. Миграция и социальные трения. На фоне ужесточения миграционного законодательства наблюдается сокращение объемов нелегальной трудовой миграции, однако в крупных городах (Москва, Санкт-Петербург) сохраняются бытовые конфликты между местными жителями и мигрантами, а усиление мер государственного контроля в сфере миграции не в полном объеме решает проблемы адаптации, интеграции и преступности среди мигрантов, укрепляя ксенофобию и «мигрантофобию». Западные, да и в целом враждебные к России, средства массовой коммуникации (в т.ч. традиционные СМИ) форсируют темы применения в отношении мусульманских общин т.н. «двойного давления», со стороны государства (противодействие и борьба с экстремизмом) и общества (формирование стереотипов и стигм).

4. Религиозные отношения. Вероятнее всего негативные нарративы могут быть инспирированы в следующей стилистике информационных поводов: сохранение Русской Православной Церковью привилегированного статуса путем участия в государственных программах, что содержит риски роста недовольства среди представителей других религий и конфессий, особенно в российских регионах с доминирующей ролью ислама и буддизма. Соответственно, высока вероятность религиозной конфликтной поляризации российского общества, особенно в условиях прямой «включенности» внешних деструктивных сил в раскрутку информационных поводов на религиозную тему.

Часть информационных поводов связана с деятельностью запрещенных религиозных радикальных или экстремистских организаций (салафизм, ваххабизм), имеющих тот или иной уровень поддержки среди ортодоксальных и маргинальных групп.

5. Молодежь и цифровая среда. В социальных медиа «TikTok» и «Telegram» растут националистически ориентированные группы, ультрапатриотические

движения за сохранение языков и культур (например, татарские, башкирские, якутские и др.). Поддержанные властями проекты, вроде молодежных форумов «Машук» или «Территория смыслов», продвигают межнациональное согласие, однако, порою, носят формализованный характер.

6. Внешнее влияние. Этнические диаспоры выходцев из стран ближнего зарубежья становятся объектом внимания иностранных игроков. Так, наряду с резонансными событиями и явлениями, вызванными внешними факторами или искусственно раздуваемыми извне, существует ряд внутренних вызовов, формирующихся и развивающихся непосредственно в границах российского информационного и социального поля. Это бытовые конфликты, которые при своем развитии и обострении необратимо трансформируются в межэтнические и межрелигиозные трения; миграционные сложности, включая повышенный уровень преступности среди мигрантов, их вовлеченность в экстремистские и террористические группировки, трудности их интеграции в социокультурную российскую среду, риски формирования изолированных анклавов, а также негативную реакцию национальных диаспор на ужесточение миграционного законодательства; деструктивные процессы внутри мусульманской общины, в виде радикализация молодежи (растущая популярность салафизма) и внешнее влияние на суфийские традиции в стране; серьезные сложности взаимодействия с цыганскими общинами в различных регионах, обусловленные культурными и социальными барьерами; угрозы стабильности, включая сепаратистские настроения в национальных республиках, межрелигиозные трения и высокий потенциал эскалации межнациональных конфликтов.

В целом, в январе с.г. межнациональные и межрелигиозные отношения в России остаются устойчивыми и управляемыми «сверху», но нарастание социально-экономических проблем и внешних вызовов создает риски дестабилизации в среднесрочной перспективе.

В анализируемом отчетном периоде этнорелигиозная напряженность в России формировалась: резонансной кражей в православном храме г. Челябинске икон представителями цыганской национальности во время обряда крещения их детей; признанием Украиной т.н. «геноцида черкесского народа» во время Кавказской войны 1763–1864 гг. и реакцией зарубежных черкесских организаций; угрозами учительницам из ст. Эссентукская Ставропольского края, которые отняли национальную символику – флаги Армении и Греции у танцующих на дискотеке школьников; массовой дракой между цыганами и таджиками в г. Уфе Башкирии, доведением до самоубийства в г. Москве первокурсника МФТИ телефонными мошенниками из Украины, подстрекавшими его к совершению террористического акта; негативной реакцией общественности на выдачу жилищного сертификата для приобретения жилого имущества многодетной семьей «новых» российских граждан – выходцев из Таджикистана; проявлением турецкого следа в действиях Духовного управления мусульман Российской Федерации; обращением русских фермеров Ростовской области в «Русскую Общину» о противоправном отъеме у них земель предпринимателем – армянином; информацией о причастности к убийству в г. Москве военачальника И. Кириллова двух ингушей-баталхаджинцев;

«призывом» из Вены к т.н. «деколонизации России» с помощью сепаратистских движений; возмущением общественности после распространения в «Telegram» видеозаписи со свадьбы цыганских детей в г. Астрахани; жестким нападением азербайджанцев на депутата Кировского райсовета в г. Самара; новыми эпизодами криминальной жизни цыган в Коркино Челябинской области; реакцией на отзыв гранта на обучение мигрантов русскому языку у азербайджанской диаспоры, проживающей в Камчатском крае; похищением 13-летней девочки цыганами в Тюменской области; рисками публичных протестов представителей коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе; реакцией на выход в прокат отечественного исторического фильма «Злой город» о монголо-татарском нашествии; отказом Комитета по делам национальностей Госдумы России поддержать законопроект депутата М. Матвеева о диаспорах (ликвидации национально-культурных автономий).

В анализируемом отчетном периоде напряженность, связанная с миграцией в России, формировалась: протестом против произвола иностранных водителей маршрутного такси в Московской области; осуждением агрессивных действий мигрантов в отношении граждан России; подготовкой таджикским подростком террористического акта в одной из школ Московской области; нападением группы мигрантов на активиста Т. Ростопчина; обострение проблемы изнасилований несовершеннолетних девочек мигрантами из государств Средней Азии; поджогом релейного шкафа на Московской железной дороге; вынесением постановления о выдворении с территории России иностранного гражданина, обратившегося к В. Путину; задержанием членов банды «Жизньмартов».

Таким образом, в процессе мониторинга открытых источников в январе с.г. «взрывной» характер и центральное внимание федеральных и региональных СМИ и социальных медиа ресурсов в «Telegram» привлекли информационные поводы, существенная доля которых – закономерное продолжение негативных тенденций, выявленных (диагностированных) в прежние отчетные периоды в рамках мониторинговой и экспертно-аналитической компании ЦСПИИТ за 2024 г.

Наиболее резонансные события целесообразнее выделить в следующие тематические блоки:

«Цыганский фактор» межнациональных противоречий
Миграционная сфера: системные проблемы
Межнациональные трения
Религиозный аспект
Внешний фактор

«Цыганский фактор» межнациональных противоречий: из тенденции в закономерность

В исследуемом отчетном периоде произошло несколько отрицательных событий с участием представителей цыганских общин, в результате которых в СМИ и социальных медиа ресурсах была развернута критическая дискуссия, создающая существенные риски развития и распространения ромофобии.

1) 8 января 2025 г. несколько цыганских семей **пришли** в православный храм Василия Великого в г. Челябинске, чтобы покрестить своих детей. Однако в то время, когда священнослужитель был задействован в совершении обряда, двое мужчин (цыган) украли несколько икон (100-летняя икона Божьей Матери «Не рыдай Мене, Мати» и две литографии – Спасителя и Оптинских старцев). Примечательно, что перед кражей один из мужчин перекрестился перед иконой².

На видео с камер видеонаблюдения заметно, что мужчины **советуются** с женщинами, относительно того, какую икону следует украсть, а те передают им платок, чтобы закрыть ее и незаметно вынести.

Для того чтобы оперативно вернуть похищенные религиозные атрибуты, настоятель храма напрямую **связался** с местным цыганским «бароном»³. После «подключения» главы местной цыганской общины злоумышленники **вернули** иконы в храм и попросили о прощении. Православные священники посчитали конфликт исчерпанным, и, как **сообщили** на запрос СМИ в городском управлении МВД России, к ним по поводу хищения икон из православного храма никто не обращался. Тем не менее, уже по факту появления информации в СМИ и соцсетях было **возбуждено** уголовное дело по ст. 158 УК РФ («Кража»).

По материалам расследования были задержаны двое местных жителей, представителей цыганской народности. На видео в полицейском участке один из них рассказал, что идея украсть иконы пришла к ним прямо во время совершения обряда крещения. После того, как он покрестил своих детей, он *«по пьянке взял, украл маленькую иконочку»*. На видео он заявил, что уже вернул украденное, и публично попросил простить его.

² *Примечание.* Религиозный ландшафт цыганских общин России разнообразен: большинство исповедует христианство или ислам, однако встречаются и приверженцы иных верований. Особый интерес представляют традиции цыган-христиан, для которых вера тесно переплетена с повседневной жизнью. Они свято чтят церковные каноны – от соблюдения предписаний в одежде до оформления домашних алтарей. В домах, как и у русских, часто можно увидеть «красный угол» с иконами, а ключевые этапы жизни сопровождаются религиозными ритуалами. Для цыган венчание в церкви – важный, но не главный этап создания семьи. Наибольшее значение имеет признание брака общиной во время «цыганской свадьбы» – самобытного обряда с музыкой, танцами и многодневным застольем. Этот ритуал обычно предшествует церковному таинству, подчеркивая приоритет традиций над формальностями. У православных цыган особым почитанием окружены святые Николай Угодник и Георгий Победоносец, считающиеся их покровителями. Католики же обращаются к Блаженному Сеферино, официально признанному Ватиканом защитником цыганского народа, а также к Саре Кали – полулегендарной фигуре фольклора, которую называют первой христианкой-цыганкой, спасшей святых от бури. Главными праздниками у христиан остаются Пасха и Рождество, но этнические группы, такие как влахи, добавляют к этому списку Радоницу. Таким образом, эти обычаи, сохраняющиеся веками, отражают синтез религиозной веры и цыганской идентичности, где даже в молитвах звучат отголоски кочевой культуры.

³ *Примечание.* В российской культуре закрепилось условное название «цыганский барон» для лидеров общин, однако этот термин – скорее культурный миф, чем отражение реальной иерархии. Сами цыгане используют слово «барон» преимущественно в диалоге с внешним миром (гаджо), распространяя его не только на глав кланов, но и на уважаемых старейшин или переговорщиков. Путаница возникла из-за лингвистического совпадения: выражение «ром б́аро» (досл. «значимый цыган») в цыганской традиции обозначает авторитетных лиц, чей статус основан на возрасте, мудрости или влиянии, а не на наследственных привилегиях. Интересно, что в цыганском сообществе никогда не существовало аристократии в европейском понимании – власть здесь основана на личном авторитете, а не титулах. Термин «барон» прижился в русском языке благодаря оперетте Иоганна Штрауса «Цыганский барон», создавшей романтизированный образ цыганского лидера. Это заимствование иллюстрирует, как внешние культурные коды могут исказить восприятие закрытых сообществ, накладывая на них чужие социальные шаблоны. Таким образом, «барон» в цыганском контексте – метафора, объединяющая в себе и реальных старейшин, и мифический образ из искусства, но не имеющая прямого аналога в структуре самих общин.

Кража икон в г. Челябинске – очевидный триггер – стигма, усугубляющая и без того стереотипное восприятие цыган в российском социуме. На фоне серии инцидентов, включая антицыганские волнения в с. Чемодановка Пензенской области в 2019 г., где конфликт вышел за рамки бытового. Действия отдельных представителей цыганской общины рискуют закрепить за всей этнической группой крайне негативный ярлык «криминального элемента». Однако именно духовенство Русской Православной Церкви, вопреки тенденции, продолжает выступать голосом терпимости и умеренности. Священники напоминают о глубокой религиозности многих цыган, их активном участии в богослужениях и соблюдении обрядов – от крещения до пасхальных традиций. Данный парадокс – противоречие между действиями маргиналов и набожностью основной части общины – становится ключевым аргументом в призывах к диалогу. Церковь, ссылаясь на примеры интеграции цыган в приходскую жизнь, подчеркивает: вера способна стать мостом между культурами, а не поводом для раскола. Тем важнее, что даже после событий в Чемодановке многие священнослужители публично осуждали коллективную ответственность, напоминая, что грех индивидуален, а духовные ценности – общи. Имеется высокая вероятность, что именно религиозный аспект способен выступить «ключом» инкорпорирования цыганских общин в российское социокультурное и правовое пространство.

2) 6 января 2025 с.г. в г. Уфе у бара VGOSTIBAR («Вгостибар») произошла массовая драка между представителями цыганской народности и таджикской диаспоры. Число участников оценивалось в 30 человек. По версии следствия, массовая драка явилась прямым следствием бытовой ссоры нескольких цыган с охраной бара в ночь на 3 января с.г.

В пресс-службе судов Башкирии **пояснили**, что причина конфликта – отказ сотрудников охраны впустить молодых людей в развлекательное заведение. Ссора переросла в массовую драку «с применением предметов, используемых в качестве оружия». По факту случившегося было возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 213 Уголовного кодекса Российской Федерации («Хулиганство, совершенное группой лиц по предварительному сговору»).

После массовой драки цыгане разъехались на своих машинах, но позже под стражу были взяты еще четверо участников стычки: уроженец Волгограда Д. Ягодин, уфимцы Р. Янкович и И. Иванус Эдмонт, а также уроженец г. Щекино Тульской области Р. Иванус Эдмонт. Были **задержаны** и двое таджикских граждан: И. Насирдинов и У. Исмонов, работающие охранниками бара.

7 января 2025 г. председатель СК России А. Бастрыкин **потребовал** доклад по обстоятельствам конфликта в центре г. Уфы между местными жителями и приезжими.

Вероятнее всего в социальных сетях, а также в ходе следствия и судебных разбирательств, задержанные цыгане и их сторонники из цыганской общины будут использовать комплексную стратегию защиты с акцентом на национальный вопрос. Возможно, помимо отрицания причастности обвиняемых к инциденту (имеется ввиду наличие их непосредственной вины), фокус сместится на педалирование этнической дискриминации. Речь пойдет не только о неприятии

обобщения их статуса с мигрантами, включая выходцев из Таджикистана, но и о системной предвзятости, как в отношении конкретного события, так и в целом цыганского сообщества.

Следует предположить, что базовым аргументом станут статистические данные о «несоразмерном» количестве задержаний и ссылки на общественный резонанс. Например, в медиа-ресурсе «Telegram» после публикации записи массовой драки в г.Уфе часть аудитории **отмечала**, что «выбор стороны конфликта вызывает моральную дилемму». Этот комментарий стал индикатором растущего противоречия в общественном мнении.

Тренд находит отражение и в СМИ: издания все чаще цитируют жителей, которые видят сходство в угрозах, исходящих от антисоциальных действий как мигрантов, так и представителей цыганских общин. Подобные параллели, озвученные в СМИ, усиливают риторику общины о стигматизации, формируя замкнутый круг взаимных обвинений граждан и маргинализированных групп.

3) 23 января с.г. в сети «Интернет» **распространилось** видео из Астрахани, где в «дорогушем ресторане», с «фонтанами из шампанского» и «дождем из “баксов”» состоялась свадьба: «8-летний цыган Ромка женился на 13-летней Зульфие». Как **оказалось**, это не первая подобная ситуация для Астраханской области. Однако, если ранее местных жителей не сильно тревожила специфика цыганских свадеб, то эта все же вызвала некоторое недоумение.

Следует заметить, что мнения и позиции у аудитории социальных медиа ресурсов **поляризовались**: для одних подобное мероприятие стало нарушением прав детей, для других – дань цыганским национальным традициям и обычаям.

24 января с.г. в пресс-службе УМВД по Астраханской области **сообщили**, что видео со «свадьбой» детей является свадебным ритуалом, который имел символический характер и не являлся официальной регистрацией брака, а противоправных действий в отношении несовершеннолетних не совершалось, поскольку они проживают отдельно друг от друга со своими семьями и официально оформят отношения только после достижения установленного законом совершеннолетнего возраста. Тем не менее, сотрудниками по делам несовершеннолетних полиции г. Астрахани проведена разъяснительная работа с законными представителями детей. Как пояснил представитель цыганской диаспоры Астраханской области Г. Кузменко, у цыган есть такая традиция – договариваться о свадьбе заранее.

Вместе с тем, председатель комитета Госдумы России по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства Н. Останина **заявила** о требовании наказания родителей, лишаящих подрастающее поколение возможности получать образование и наслаждаться детством. По ее словам, *«мы осуждаем Ирак, который принял закон о возможности выдачи замуж девочек в девять лет, а под носом не видим, что у нас в стране то же самое происходит».*

Проиллюстрированные культурные обычаи цыган, как минимум, в трех аспектах вызывают социальную озабоченность.

Во-первых, ряд традиций, формирующихся с раннего возраста, может способствовать нормализации (ограниченной легитимизации) у определенных

сообществ) сексуальных отношений с несовершеннолетними лицами. Даже при наличии объяснений общины о «согласованности» таких браков, подобные практики фактически стимулируют ранние беременности, что противоречит как правовым нормам, так и основополагающим принципам охраны и защиты детства.

Во-вторых, подобные модели поведения не ограничиваются внутренними правилами цыганского сообщества. Так, примером стал инцидент 29 сентября 2024 г., когда в Рязанской области двое мужчин и несовершеннолетний представитель **цыганской общины похитили** 16-летнюю местную жительницу с целью выдать ее замуж за своего родственника. Мотивом стало случайное обнаружение фотографии девушки в соцсетях, по которой семья потенциального жениха сочла девушку «подходящей» для брака. Данный случай демонстрирует, как традиции пересекаются с криминальными действиями, нарушая права и свободы граждан за пределами архаичных цыганских общин.

Подобный описанному инцидент повторился 30 января 2025 г., когда в с. Княжево Тюменской области **пропала** 13-летняя школьница. Как позднее стало известно по информации местных СМИ, двое молодых людей подкараулили ее у выхода из школы, под давлением усадили в автомобиль и увезли в неизвестном направлении. 31 января с.г. СМИ **выяснили**, что незадолго перед исчезновением девушка в приложении познакомилась с мужчиной, а также то, что школьница имеет цыганские корни: ее бабушка и папа – цыгане. Как следствие, появилась версия о том, что пропажа ребенка может быть связана с цыганскими обычаями. 31 января с.г. в Саратовской области сотрудники ГАИ **остановили** разыскиваемый автомобиль, в котором находились Александра, женщина и двое мужчин. Девушку **везли** в Волгоградскую область. Уполномоченный по правам ребенка в Тюменской области Андрей Степанов **отметил**, что похитители школьницы должны будут ответить перед законом за совершенное ими преступление. Похитителям грозит уголовная ответственность по пп. а), д) ч. 2 ст. 126 УК РФ («Похищение заведомо несовершеннолетнего группой лиц по предварительному сговору»). Санкции данной статьи предусматривают наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 12 лет. Применительно к ситуациям с кражами невест надо заметить, что в рамках цыганской культуры сохраняется практика, известная как «калым» – передача материальных ценностей семье невесты в качестве компенсации за ее уход из рода. Часть этих ресурсов направляется молодоженам, однако основное бремя свадебных расходов традиционно ложится на семью жениха. В иных ситуациях, когда финансовые возможности ограничены, родители противятся союзу либо выкуп невозможен, община может прибегнуть к альтернативному сценарию – похищению невесты. Хотя этот обычай формально осуждается внутри таборов, его применение чаще оправдывается в случаях, когда девушка происходит из смешанной семьи, что нередко становится мостом между явными культурными разрывами и дистанцией.

Среди цыганских общин России сохранение традиций заключения ранних браков характерно для владов и калдерашей – субэтнических общностей, входящих

в крупную группу рома. Влахи, исторически связанные с территориями Румынии и Молдовы, мигрировали на Украину и в южные регионы России, включая Северный Кавказ и Волгоградскую область, в которую, согласно сообщениям, была насильственно доставлена несовершеннолетняя жительница Тюменской области для принудительного замужества. Калдераши, также практикующие ранние союзы, расселены в аналогичных регионах, сохраняя замкнутый уклад.

Подобные обычаи, укорененные в культурных нормах, нередко вступают в противоречие со светским законодательством. Так, похищение невесты, даже частично санкционированное внутри общины, трактуется правоохранительными органами как преступление. Парадокс же в том, что подобные ритуалы, с одной стороны, укрепляют внутригрупповую идентичность, а с другой – провоцируют конфликты на стыке этнических традиций и светских законов. Подобные эксцессы, как инцидент в Тюменской области, обнажают не только проблему гендерного насилия, но и сложность интеграции архаичных практик в современное социально-правовое поле, порождая дискуссии о балансе между культурной автономией и защитой базовых прав личности.

В-третьих, пассивное отношение общества и власти к подобным ритуалам косвенно легитимизирует и другие маргинальные, а порою и противоправные практики. Через призму культурного релятивизма начинают оправдываться не только ранние браки, но, в частности, и радикальные интерпретации религиозных норм, чуждые традиционному российскому социально-культурному ландшафту. Это формирует негативные предпосылки и создает прецедент, где этническая специфика становится ширмой для оправдания пренебрежения общепринятыми общественными нормами и нарушения закона, усиливая риски фрагментации общества на основе противоречащих друг другу ценностных систем, взглядов и представлений.

4) 22 января с.г. глава ГУ МВД по Челябинской области С. Космачев на коллегии по итогам оперативной деятельности в 2024 г. [рассказал](#) о мерах по дальнейшей стабилизации межнациональных отношений в области, особо остановившись на ситуации в местах проживания цыган. После убийства 23 октября 2024 г. таксистки Е. Сарафановой в Коркино и последовавших за этим антицыганских погромов, в Челябинской области продолжают масштабные и регулярные проверки представителей цыганской народности. 23 января 2025 с.г. правоохранительные органы [провели](#) рейд в местах проживания цыган в г. Коркино, Еткульском и Еманжелинском районах. В г. Коркино они проверили дом, хозяева которого подозреваются в мошенничестве. По версии следствия, в январе 2024 г. шесть фигурантов оформили ипотеку на недееспособного 53-летнего инвалида, предварительно завысив цену недвижимости, вследствие чего похитили у банка около 1,5 млн рублей. В ходе обыска правоохранители изъяли деньги, банковские карты, телефоны, пистолет и патроны к нему.

Систематический мониторинг мест компактного проживания цыганских общин создает значительные препятствия для их криминальной активности, особенно в сфере наркоторговли и нелегального распространения запрещенных препаратов. Уже сейчас силовые структуры добились частичной блокировки

каналов сбыта, что подрывает экономическую устойчивость нелегальных схем. Постоянное присутствие правоохранителей не только осложняет организацию противоправных действий, но и снижает рентабельность полукриминальных занятий, таких как нелегальная торговля или мошенничество.

В перспективе это может привести к двум сценариям: либо постепенной нормализации криминогенного фона в регионе компактного проживания цыганской общины, либо миграции общины в менее контролируемые районы. Однако текущая реакция цыганской общины отражает расчет на цикличность карательных мер, поскольку часть из них рассматривают эту активизацию оперативной работы как временную кампанию, связывая ее с текущим политическим контекстом или медийным резонансом отдельных инцидентов.

Весьма парадоксально, но подобные ожидания могут провоцировать краткосрочное усиление противозаконной активности – например, попытки восстановить утраченные каналы или компенсировать убытки за счет новых схем. Однако непрерывность оперативного давления лишает такие «стратегии» перспективы, заставляя сообщество либо адаптироваться к правовым нормам и предписаниям, либо же искать альтернативные пути существования. Этот процесс обнажает конфликт между архаичными моделями экономического существования и требованиями современного правового поля, где толерантность к маргинальным практикам последовательно снижается.

В последние месяцы конфликты с участием цыганских общин выходят на первый план в российской межэтнической повестке. Трагическим символом этой тенденции стал известный инцидент в г. Коркино Челябинской области, где группа цыган убила таксистку, приехавшую по вызову. Последовавший за этим штурм домов цыган разгневанными местными жителями едва не привел к массовым беспорядкам и бунтам. Ситуацию удалось стабилизировать только после вмешательства федеральных сил: расследование взял под контроль глава СК России, а губернатор Челябинской области санкционировал масштабную проверку деятельности цыган в регионе. Однако для жителей г. Коркина это «déjà vu»: по свидетельствам очевидцев, цыгане уже покидали город из-за прошлых столкновений, но спустя время возвращались.

Подобная цикличность характерна и для других регионов.

В 2019 г. в с. Чемодановке Пензенской области (где около 15 % населения составляли цыгане) бытовая драка переросла в массовое противостояние – полноценный межэтнический конфликт. Прежний экс-губернатор И. Белозерцев, ныне отбывающий тюремный срок за коррупцию, заявлял о «руке Вашингтона».

Статистика указывает, что стычки, трения и конфликты с представителями цыганских общин, многие из которых – российские граждане, происходят чаще, чем с трудовыми мигрантами. За неделю до событий в г. Коркине в Верхних Осельках Ленинградской области полсотни [цыган напали на инспекторов ДПС](#), защищая водителя – цыгана без водительского удостоверения. Рейд выявил 150 незаконных построек в таборе – этот же фактор летом спровоцировал кризис в п. Иловля Волгоградской области, где цыгане, [по мнению жителей](#), «захватили власть» в поселке. Местная администрация оказалась бессильна: самострой

нельзя снести без суда, а правоохранители, как в Ленинградской области, физически не способны противостоять агрессивно настроенным таборам.

Вероятно, кризис усугубляется кадровым коллапсом в МВД. По данным от 1 ноября 2024 г. недокомплект личного состава в МВД России составил 173,8 тыс. человек (18,8% штатной численности), [сообщила официальный представитель ведомства](#) И. Волк, а еще в мае 2024 г. нехватка составляла 152 тыс. сотрудников. Нехватка участковых приводит к тому, что полиция реагирует только на «горящие» случаи, как в г. Коркине. В вакууме власти активизируются группы вроде «Русской общины», берущие на себя функции народных дружин. Но их действия часто провоцируют новые столкновения, а возвращение мужчин с СВО может обострить противостояние.

Романтизация цыган в культуре (от Пушкина до фильма «Табор уходит в небо») давно не соответствует текущей реальности. Современные таборы, как правило, – это самострой вместо кибиток, наркоторговля вместо конокрадства и полная изоляция от общества. Систематически фиксируются ситуации, когда дети не учатся, взрослые не работают, а «цыганские бароны» используют архаичные традиции как инструмент укрепления личного благосостояния.

Очевидно, проблема может выходить за пределы цыганских общин. Под видом «национально-культурных автономий» в России действуют множество разнообразных диаспор, сообществ и общин, чья реальная функция – лоббирование и продвижение интересов закрытых групп. Общественники предлагают запретить такие структуры, оставив только культурные проекты (театры, фестивали), что, вероятно, подорвет общинную модель, вынудив цыган регистрировать бизнес, имущество, учить язык и в целом встраиваться в систему социально-правового уклада России.

Примечательно, что 29 января 2025 г. на заседании Комитета по делам национальностей Госдумы России было [принято](#) решение не поддерживать [законопроект](#) о ликвидации института национально-культурных автономий в России, который внес на рассмотрение Госдумы России депутат М. Матвеев, который в своем законопроекте предложил вместо «национально-культурной автономии» узаконить понятие «национально-культурное объединение»; запретив подобного рода организациям какое-либо иностранное финансирование и символику, исключить полномочия по адаптации мигрантов и свести деятельность исключительно к вопросам культуры. Помимо членов комитета – И. Гильмутдинова, А. Догаева, Е. Евтюховой, Г. Семигина, в обсуждении приняли участие замруководителя ФАДН России А. Котова, президент общероссийской общественной организации «Федеральная Грузинская национально-культурная автономия в России» Д. Цецхладзе, первый вице-президент общероссийской общественной организации «Союз армян России» Л. Гукасян, сопредседатель федеральной национально-культурной автономии курдов России Ф. Патиев и др.

По итогам дискуссии [участники заседания посчитали](#), что предлагаемые изменения недостаточно обоснованны, а также не способны повлиять на достижение декларируемых целей, а профильный Комитет будет рекомендовать

Госдуме России «отклонить данный проект федерального закона при его рассмотрении в первом чтении 26 февраля 2025 г.».

Следует обратить внимание на то, что в ходе обсуждения законодательных инициатив М. Матвеев фокусировал внимание на необходимости исключить термин «автономия» из наименований этнокультурных объединений, аргументируя свою позицию крайне негативными ассоциациями в современном российском общественном дискурсе. И. Гильмутдинов, первый заместитель Комитета ГД по делам национальностей и одновременно руководящий федеральной татарской автономией, предложил четкое разделение между «национально-культурными автономиями» (НКА), члены которых – исключительно российские граждане, и НКО с этнической спецификой, поддержав инициативу ФАДН России, направленную на прямое закрепление НКА в законодательстве как отдельной категории, а также на введение квот для иностранцев в подобных организациях (не более 30%) и запрет на их участие в управлении. И. Гильмутдинов напомнил, что регулирование финансирования диаспор уже обеспечено законом об «иностранцах», а использование государственной символики других стран этническими объединениями блокировано нормами закона об НКО. Представители диаспор согласились с его позицией, отметив, что часть предлагаемых М. Матвеевым ограничений уже отрегулирована в действующей редакции Уголовного кодекса Российской Федерации. Однако, по мнению депутата, эти нормы недостаточно эффективны из-за проблем правоприменения. Участники дискуссии сошлись на мнении, что главный пробел – не отсутствие правовых норм, а весьма слабая реализация уже существующих. Усиление ответственности за нарушения, включая санкции за игнорирование требований законодательства диаспоральными структурами, может стать более действенным инструментом, чем расширение или укрупнение нормативной правовой базы. Это подчеркивает необходимость фокуса на исполнительной дисциплине, а не на символических правках, которые рискуют остаться декларативными без механизмов принуждения.

Возвращаясь к проблематике конфликтности цыганских общин, следует предположить, что корень проблемы – в недостаточной готовности органов власти работать с замкнутыми этническими сообществами. Пока власти борются с «инфоцыганами» в соцсетях, реальные таборы живут по своим «законам». Без стратегии интеграции (*представленной и комплексно описанной в экспертно-аналитической справке за ноябрь 2024 г.*) и бескомпромиссного пресечения преступности новые «Чемодановки» и «Коркины» неизбежны. Существенный же вызов – на фоне демографического кризиса и миграционной обстановки в России – риск получить десятки «параллельных миров» (социокультурных анклавов) внутри своих границ.

Таким образом, ситуация с межэтнической напряженностью, связанной с деятельностью представителей цыганских общин в России, в настоящий момент времени действительно сложная, требующая комплексного анализа и подхода к ее решению. В развитие к ранее (*в экспертно-аналитической справке за ноябрь*

2024 г.) предложенным путям решения этого вопроса, целесообразно предложить следующее.

Центральные причины и катализаторы конфликтов, установленные по результатам анализа резонансных событий с 2024 г. по январь 2025 г.:

1. *Культурно-социальный разрыв.* Цыганские общины зачастую живут по собственным традициям, игнорируя российские законы (самострой, отсутствие документов, уклонение от образования и официальной работы). Закрытость общин и нежелание интегрироваться в общество провоцируют недоверие со стороны местного населения.

2. *Правовой вакуум.* Самострой и незаконная деятельность (наркоторговля, криминал) остаются безнаказанными из-за бюрократии, коррупции и нехватки ресурсов у правоохранителей. Сложности с привлечением к ответственности из-за статуса российских граждан у многих цыган.

3. *Экономические факторы.* Отсутствие легальных доходов у части общин ведет к теневой экономике, а т.н. «цыганские бароны» монополизируют контроль над общинами, используя связи с властями для защиты своих интересов.

4. Роль диаспор в лоббировании и продвижении интересов. Национально-культурные автономии часто превращаются в инструмент давления на власть, что позволяет архаичным общинам сохранять свою специфическую аутентичность и замкнутость.

Возможные способы разрешения противоречий и конфликтов:

1. *Нормативные правовые меры.* Ужесточение контроля за самостроем и землепользованием при упрощении процедур легализации (амнистия при соблюдении норм). Создание межведомственных групп (МВД России, прокуратура, Росгвардия) для оперативного реагирования на конфликты. Введение ответственности за укрывательство преступников внутри общин.

2. *Социальная интеграция.* Обязательное включение цыганских детей в систему образования (серьезные санкции за отказ посещения образовательных учреждений). Программы трудоустройства и профессионального обучения при участии НКО. Медицинская и социальная помощь с учетом культурных особенностей.

3. *Борьба с коррупцией.* Купирование и пресечение связей «цыганских баронов» с чиновниками и правоохранителями. Прозрачность в рассмотрении жалоб местных жителей на действия общин.

4. *Реформа диаспор.* Запрет лоббистских функций у национально-культурных автономий, сужение спектра целевых задач, сохранение только культурных и образовательных задач. Создание механизмов для диалога между общинами и властью без посредников—«баронов».

5. *Информационная работа.* Популяризация и продвижение положительной практики интеграции цыган (например, через СМИ). Обучение местных жителей и правоохранителей методам ненасильственного разрешения конфликтов.

Возможные риски и ограничения:

1. *Эскалация насилия.* Жесткие меры могут спровоцировать вспышки протеста, особенно если затронуты интересы влиятельных лиц внутри общин.

2. *Нарушение прав.* Излишнее давление на цыган как этническую группу может привести к дискриминации, что противоречит Конституции России.

3. *Ресурсы.* Реализация интеграционных и адаптационных программ и мер требуют значительного финансирования и подготовленных кадров.

Соответственно, проблема требует долгосрочной стратегии, сочетающей жесткое соблюдение требований законодательства и весьма мягкую социальную адаптацию. Важно избегать стигматизации этнической группы, фокусируясь на конкретных нарушениях (криминал, самострой и др.). Без прямых и эффективных коммуникаций с самими цыганами и разрушения замкнутости общин через образование и экономические стимулы ситуация будет лишь воспроизводиться. Властям стоит активнее вовлекать гражданское общество, чтобы предотвратить радикализацию как местных жителей, так и маргинализированных групп.

Миграционная сфера: системные проблемы

В январе 2025 г. ключевые события, оказавшие заметное влияние на динамику межэтнических и межконфессиональных взаимодействий в России, во многом определялись миграционной тематикой.

Анализ показывает, что резонансные ситуации и эксцессы, связанные как с регулированием миграционных потоков, так и с их социальными последствиями, органично вписываются в устойчивые тренды, наблюдаемые в этой сфере на протяжении 2024 г. Ключевое место среди них занимает сформировавшийся в обществе запрос на ужесточение государственной миграционной политики: усиление контроля за притоком граждан из стран СНГ (особенно Средней Азии), борьбу с нелегальной миграцией и совершенствование механизмов адаптации мигрантов, включая натурализованных граждан. Итоги мониторинга российского информационного поля в январе с.г. позволяют выделить несколько значимых инцидентов, иллюстрирующих названные ранее тенденции в искомой сфере. Данные кейсы демонстрируют, как институциональные изменения и общественные настроения взаимно усиливают фокус на миграционном дискурсе – проблематике, превращая ее в системный фактор социальной стабильности.

Таким образом, основные резонансные события по рассматриваемому тематическому блоку в рамках мониторинга и анализа открытых источников информации, в отчетном периоде (январь 2025 г.), включают следующие факты:

1) Жалобы на водителей-мигрантов в Московской области привлекли внимание представителей власти. Протест жителей был вызван ростом цен за проезд в маршрутном такси. Так, 9 января жители п. Мирный в г. Люберцах обратились к Президенту России В. Путину с просьбой решить проблему с **нерегулируемыми** ценами на коммерческий транспорт. В видеообращении граждане сообщали, что ими было зафиксировано резкое повышение стоимости проезда (рост цены составил 25 %). По информации Telegram-канала «Многонационал», рост цен наблюдается в маршрутных такси, которые управляются мигрантами из **Средней Азии**. По имеющимся данным, иностранные водители принуждают пассажиров оплачивать проезд

наличными средствами либо банковскими переводами, проявляют агрессию в отношении пассажиров и т.д.

После распространения в социальных сетях и медиа ресурсах информации о фактах агрессии в отношении пассажиров и иных противоправных **действиях** мигрантов-водителей маршруток в Люберцах следственные органы СК России по Московской области возбудили уголовное дело. Глава СК России А. Бастрыкин взял ситуацию под личный контроль. В Минтрансе отметили, что для жителей вышеназванного жилого комплекса предусмотрено четыре муниципальных **нерегулируемых** транспортных маршрута, обслуживаемые коммерческими перевозчиками. Соответственно, на указанных маршрутах стоимость проезда устанавливается перевозчиками с учетом сложившихся затрат, конъюнктуры рынка и финансовых возможностей транспортной организации.

Примечательно, что в 2024 г. на маршрутах к ЖК «Томилино Парк» к **административной ответственности было привлечено** 34 водителя.

В рамках активных дискуссий в социальных сетях многие пользователи отметили тенденцию, согласно которой трудовые мигранты постепенно замещают коренное население в секторе общественного транспорта, сокращая число доступных вакансий для россиян. Особое внимание уделяется ситуации в Московской области: участники обсуждений утверждают, что водители-мигранты, занятые в сфере маршрутных перевозок, сформировали неформальную структуру, монополизировавшую часть отрасли. По их словам, эта группа не только влияет на распределение рабочих мест, но и навязывает собственные правила, что вызывает крайние опасения у местных жителей относительно справедливости конкуренции и контроля над отраслью.

Очевидно, что в последние годы (начиная с 2020 г. по н.в.) в Московской области обострилась ситуация в сфере общественного транспорта, особенно в сегменте маршрутных такси. Значительную долю водителей здесь составляют трудовые мигранты, преимущественно из стран СНГ. По данным обсуждений в соцсетях и СМИ, мигранты не только активно замещают местных работников, но и формируют неформальные коллективы, контролирующие распределение рабочих мест и устанавливающие свои особые правила в отрасли. Это создаёт напряженность среди населения, которое видит в этом угрозу занятости россиян и снижение качества услуг. Низкие зарплаты и тяжелые условия труда делают профессию водителя малопривлекательной для местных жителей, в то время как мигранты готовы работать за меньшие деньги, что весьма выгодно работодателям, но сокращает возможности трудоустройства для россиян.

По формирующемуся общественному мнению, мигранты создают закрытые сети, где рабочие места распределяются через диаспоральные землячества, а не через официальные каналы трудоустройства, что приводит к росту «теневого» контроля над маршрутами и нарушениям трудового законодательства.

Усиливаются стереотипы о «мафии» и нелегальной деятельности, что провоцирует конфликты, жалобы на нарушение ПДД, недостаточное знание

города и языка некоторыми водителями-мигрантами, что сказывается на безопасности пассажиров.

На примере исследуемой проблематики прослеживаются и некоторые коррупционные риски, т.е. возможное содействие недобросовестных должностных лиц или работодателей в обход миграционного законодательства.

Возможными путями решения этой проблемы могут быть: *ужесточение регулирования трудовой миграции в отдельных секторах* (введение квот на трудоустройство мигрантов в сфере транспорта, с приоритетом для местных кадров, регулярные проверки соцпакетов и зарплат для исключения демпинга); *борьба с неформальной занятостью* (усиление контроля за работодателями, включая штрафы за найм нелегалов и создание «серых» схем трудоустройства, а также создание прозрачных платформ для подбора водителей, исключая влияние землячеств); *повышение престижа профессии* (улучшение условий труда для водителей: повышение зарплат, социальные гарантии, страхование, а также программы переобучения и трудоустройства для местных жителей при поддержке государства); *модернизация транспорта* (переход к централизованным системам управления перевозками (например, GPS-контроль, электронные талоны), что снизит влияние неформальных групп); общественный контроль и мониторинг (создание горячих линий для жалоб пассажиров и механизмов оперативного реагирования на нарушения, а также вовлечение гражданского общества в диалог с властями и перевозчиками для поиска баланса интересов).

Очевидно, что проблема требует комплексного подхода: от жесткого контроля за миграционными процессами до повышения стандартов в транспортной отрасли. Важно не только устранить негативные практики, но и создать условия, при которых работа водителя станет привлекательной для россиян, а услуги – безопасными для пассажиров.

2) Существенный (острый) общественный резонанс в исследуемом отчетном периоде был связан с вручением жилищного сертификата на приобретение жилого имущества семье Самадовых в г. Мытищах.

Так, 13 января с.г. Администрация г. Мытищ [сообщила](#) о том, что семья Т.Самадовой и Р.Рахимова – родителей семерых детей, которые живут в однокомнатной квартире, в торжественной обстановке получили из рук главы городского округа Ю.Купецкой сертификат на получение субсидии для приобретения жилья. В социальных сетях появились посты с критикой того, что из числа многих претендентов на получение помощи с жильем, которую они ожидают уже много лет, была выбрана именно семья приезжих. Однако взрыв возмущения произошел после того, как выяснились некоторые подробности о семье Самадовой, возникли подозрения в мошенничестве. 17 января с.г., стали [распространяться](#) истории, как чиновники, наоборот, выгоняют из жилья русские многодетные семьи.

14 января 2025 г. Ю.Купецкая [ответила](#) на многочисленные негативные комментарии и посты в соцсетях. В частности, она заявила, что Т. Самадова с мужем, детьми и мамой живут в г.Мытищах уже 14 лет, они являются гражданами Российской Федерации, а сама Т.Самадова занимается

благотворительностью, активно участвует в жизни города. Два ее родных брата участвуют в СВО, оба тяжело ранены, награждены орденом Мужества и медалью «За отвагу».

В короткие сроки блогерами и некоторыми журналистами выяснилось, что Т. Самадова занимается бизнесом: торгует контрафактной обувью, о чем свидетельствует, в частности, реклама на ее странице. Бизнес, скорее всего, был переоформлен на других лиц, чтобы получать льготы для малообеспеченных. Вместе с тем, она действительно занималась благотворительностью, однако, как уточняют блогеры, только для мусульман, и для жителей Таджикистана. Несмотря на заявления Ю. Купецкой о ее братьях, на странице Т. Самадовой нет ни слова об СВО, хотя есть посты с поддержкой детей Палестины, а 15 января с.г. стало известно, что Т. Самадова через суд **выгнала** своих братьев-бойцов СВО из своей квартиры. Р. Рахимов – отец семейства в соцсетях разместил флаг Таджикистана с подписью: «*Тот флаг, за который я умру. Тот флаг, за который я порву*», а в 2015 г. в своем посту **называл** российских полицейских нацистами и фашистами.

Развитие скандала с вручением в г. Мытищах жилищного сертификата многодетной семье из Таджикистана пришлось на 20 января с.г., когда инфоцентр СК России **сообщил**, что после появления в сети «Интернет» несогласия общественности с предоставлением многодетной таджикской семье Т. Самадовой жилищного сертификата в г. Мытищи ГСУ СК России по Московской области возбуждено уголовное дело по ст. 293 УК РФ («Халатность»). В рамках уголовного дела расследуются все обстоятельства предоставления 13 января с.г. в г. Мытищи должностными лицами органов власти жилищного сертификата мигрантам, несмотря на наличие очереди на улучшение жилищных условий, состоящей из местных жителей. 24 января с.г. СК России **сообщил**, что в г. Мытищах в рамках расследования уголовного дела была задержана Т. Самадова, подозреваемая в мошенничестве при получении жилищной субсидии в размере свыше 24 млн рублей.

В ходе расследования установлено, что подозреваемая в нарушении действующего законодательства предоставила в администрацию г. Мытищ ложные сведения о доходах своего мужа, намерено занизив их в несколько раз. В частности, представив недостоверную выписку из домовой книги, содержащую сведения о проживании по ее месту жительства 13 человек, в том числе ее брата с двумя несовершеннолетними детьми, в то время как они проживают в Таджикистане. В СК России особо отметили, что в ходе следствия в рамках дела о мошенничестве Т. Самадовой будет дана уголовно-правовая оценка действиям должностных лиц администрации г. Мытищи по выполнению своих должностных обязанностей.

Официальные основания конфликта межэтнического характера, вероятно (скорее, даже неизбежно), будут трактоваться определенными группами как следствие проявлений русского национализма или неприязни к мигрантам. Это обстоятельство требует тщательной проверки и наличия веских аргументов для пересмотра постановления администрации г. Мытищ, но только при выявлении

фактов мошенничества, подтверждения экстремистских высказываний Р. Рахимова. Любые выводы должны опираться на неопровержимые доказательства, чтобы исключить политические спекуляции и обеспечить правовую объективность.

Данный инцидент обнажает ряд сопутствующих проблем, обладающих «взрывным» потенциалом. Например, фактическое социальное неравенство и доступ к ресурсам, когда выделение сертификата семье из Таджикистана могло быть воспринято частью местных жителей как несправедливость, особенно на фоне дефицита жилья для российских многодетных семей. Это актуализирует вопросы прозрачности распределения социальных льгот и критериев отбора.

История вписалась в общефедеральный дискурс о роли и деятельности мигрантов (в т.ч. натурализованных российских граждан, т.н. «новых граждан»), где недовольство систематически связывают с конкуренцией за рабочие места, социальные блага или культурными различиями. Отдельные группы или медиа могли намеренно акцентировать этническую принадлежность семьи, чтобы раскачать ситуацию, трансформировав локальное явление в ранг системной проблемы.

Таким образом, к последствиям для межнациональных отношений можно отнести следующие возможные процессы.

1. Поляризация общества. Развитие инцидента рискует углубить раскол между сторонниками «приоритета для местных» и защитниками равных прав для мигрантов, усиливая взаимные обвинения.

2. Рост недоверия к представителям власти. Если решение мэрии сочтут непрозрачным или политически мотивированным, это подорвет авторитет институтов, особенно в регионах с напряженной миграционной обстановкой.

3. Эскалация экстремистских настроений. Радикально настроенные группы могут использовать кейс для пропаганды и оправдания национализма или, наоборот, для обвинений в дискриминации мигрантов, что чревато уличными столкновениями или волной ксенофобских высказываний.

Представляется целесообразным отнести к важным аспектам деэскалации *объективное расследование* (необходимо публично проверить законность выделения сертификата, исключив коррупционную составляющую и давление на чиновников), *диалог с обществом* (властям важно объяснить механизмы соцподдержки, подчеркнув их внеэтнический характер, и адресно работать с обеспокоенностью граждан), *контроль над провокациями* (жестко реагировать и пресекать экстремистские призывы как со стороны националистов, так и мигрантских сообществ, избегая стигматизации всей группы из-за действий отдельных лиц).

Таким образом, ситуация в Мытищах – индикатор системных проблем в социальной политике и межэтническом взаимодействии. Ее урегулирование требует не только правовой ясности, но и стратегии, направленной на снижение конфликтного потенциала через равенство прав, диалог и противодействие грубым манипуляциям.

Другие резонансные события, связанные с мигрантами, конфликтами с их участием, получившие достаточно широкое освещение в СМИ и социальные

медиа ресурсах, укладывались в общую логику фиксируемых тенденций конца 2024 г. Так, наблюдается высокая частота проявлений агрессии и насилия со стороны мигрантов на территории России в январе 2025 г., что представляет существенные риски и открытую угрозу безопасности российских граждан.

7 января уполномоченный по правам ребенка в Иркутской области Т.Афанасьева [сообщила](#), что подросток из г.Усть-Кута пострадал во время конфликта с мигрантом 2 января. В ходе словесной перепалки мигрант напал на школьника и попытался откусить ему ухо. Пострадавшему понадобилась медицинская помощь. Хулиганом оказался 36-летний [гражданин](#) Республики Узбекистан. По имеющимся данным, в ближайшее время мужчину депортируют из России за нарушение миграционного законодательства. После данного инцидента уполномоченный по правам [ребенка](#) в Иркутской области Т.Афанасьева выразила высокую обеспокоенность отсутствием гарантированной защиты граждан от такого рода нападений в общественных местах.

Подобного рода происшествия наблюдались и в других регионах России на протяжении анализируемого отчетного периода (январь с.г.).

Воронежская область. 7 января гражданин [Узбекистана](#), находясь в состоянии алкогольного опьянения, оскорблял жителя Лискинского района у кассы магазина, попытался отнять у него купленные продукты. Позже мигрант напал на пенсионера уже на улице и выхватил у него сумку с покупками. Хулиган задержан, ему грозит до 7 лет лишения свободы.

Нижний Новгород. 9 января широкое распространение в СМИ получила новость о драке нижегородца с иностранным гражданином. Конфликт возник по причине замечания, сделанного жителем Нижнего Новгорода мигранту-таксисту. В ходе драки [мигрант](#) ударил мужчину ножом.

Тверская область. 10 января сотрудники правоохранительных органов задержали гражданина одной из республик [Центральной Азии](#), поскольку он являлся одним из участников конфликта в кафе на улице Ротмистрова, который завершился поножовщиной и ранением посетителя.

г. Ижевск. В августе 2024 г. в г.Ижевске в изнасиловании двух девушек (несовершеннолетних пассажиров) был обвинен иностранный [таксист](#). В декабре 2023 г. и в июле 2024 г. обвиняемый совершил в автомобиле преступления против половой неприкосновенности с применением насилия в отношении девочек 14-ти и 16-ти лет. Возбуждено уголовное дело. В СКР заявили, что до совершения преступления [мигранту](#) был запрещен въезд в Россию до 2028 г. Но, 24 января с.г. стало известно, что количество потерпевших по делу таксиста-мигранта в г. Ижевске [увеличилось](#) до пяти. Первый замруководителя СУ СКР по Удмуртии Р. Ширококов заявил, что все жертвы несовершеннолетние.

Санкт-Петербург. 22 января с.г. появилась новость о том, что трое граждан [Узбекистана](#) удерживали 15-летнюю школьницу в квартире и подвергали ее насилию на протяжении 18 дней. По имеющимся данным, жертвой оказалась их соотечественница, которая после случившегося хотела покончить жизнь самоубийством.

Московская область. 21 января с.г. стало известно, что в г. Орехово-Зуево 35-летний мигрант из [Средней Азии](#) около месяца насильовал 11-летнюю дочь своей сожительницы.

Тюменская область. 19 января с.г. глава СК России А. Бастрыкин поручил дать правовую оценку проверке по факту преследования школьницы [мигрантами](#) в Тобольске.

г. Архангельск. В г. Архангельске жертвой домогательств мужчины в автобусе стала 14-летняя школьница. Подозреваемого задержали. Им оказался 36-летний [иностранный](#) гражданин.

В последнее время в правоохранительных отчетах все чаще упоминаются граждане из государств СНГ, причастные к преступлениям против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Данная тенденция стала поводом для активного обсуждения в рядах «Русской Общины», представители которой выразили тревогу в связи с растущей статистикой. Ранее всплески подобных преступлений традиционно связывали с летними месяцами: в период каникул дети больше времени проводят на улицах, где пересекаются с трудовыми мигрантами в зонах отдыха, на спортивных объектах или в парках. Однако текущие данные свидетельствуют, что даже в холодный зимний сезон уровень противоправных действий сексуального характера, совершаемых иностранцами, не снижается. Активисты подчеркивают, что проблема требует не только усиления контроля за миграционными потоками, но и анализа системных причин от недостаточной интеграции/адаптации приезжих до пробелов в профилактической работе с подростками. При этом эксперты предостерегают от поспешных обобщений, напоминая, что большинство мигрантов не вовлечены в криминал, а отдельные случаи не должны становиться поводом для стигматизации целых этнических групп.

В целом феномен агрессии и насилия среди мигрантов не следует сводить к упрощенным стереотипам, корни которого лежат в сложном переплетении социальных, экономических и психологических факторов, требующих глубокого и, вероятно, комплексного исследования, выходящего за рамки формата подготовки настоящего экспертно-аналитического материала. Мигранты часто оказываются в маргинализированных группах из-за ограниченного доступа к работе, жилью и образованию. Безработица, эксплуатация и жизнь в гетто (например, в перенаселённых общежитиях) порождают фрустрацию и чувство несправедливости. Конкуренция за ресурсы с местным населением, особенно в условиях экономического кризиса, усиливает конфликты.

Непонимание местных норм, языковой барьер и неприятие традиций принимающего общества могут провоцировать изоляцию. Ответной реакцией иногда становится агрессия как форма защиты или протеста. Религиозные и этнические различия, особенно при отсутствии диалога, становятся почвой для радикализации. Некоторые мигранты могут являться лицами, пережившими насилие, войны, конфликты или преследования на исторической родине, что приводит к посттравматическому стрессу, неконтролируемым эмоциональным реакциям. Давление со стороны криминальных группировок, контролирующих

нелегальную миграцию, может вынуждает участвовать в противоправной и преступной деятельности. Жесткое миграционное законодательство, депортации и дискриминация со стороны правоохранительных органов усиливают чувство отчуждения. Отсутствие эффективных программ интеграции/адаптации и поддержки способствует формированию замкнутых сообществ, где могут активно процветать антисоциальные модели поведения.

Как следствие насилия и агрессии со стороны мигрантов – рост ксенофобии и национализма в принимающих обществах, что проявляется в ужесточении законодательства, стигматизации мигрантов и всплесках бытового насилия. Цикл взаимной радикализации: ответные действия местных жителей и мигрантов способны создать порочный круг конфронтации (например, погромы, уличные столкновения). Усиление контроля и репрессий, когда государство может вводить чрезмерные меры безопасности, затрагивая права и свободы мигрантов, так и граждан, стимулирует развитие конфликтного фона в социуме. Отдельно следует отметить, что отдельные инциденты могут использоваться лидерами общественного мнения, политиками и СМИ для разжигания страхов, подрывая доверие между группами.

Важно понимать, что большинство мигрантов априори не могут быть склонны к насилию. Агрессия – зачастую следствие системных провалов, а не культурной или этнической специфики.

Сегодня, на фоне роста миграционных потоков обострились системные проблемы: нелегальная занятость, этнокультурные конфликты, а также рост преступности среди мигрантов. Эти вызовы требуют комплексного анализа и выработки стратегических решений, направленных на баланс между экономическими интересами, безопасностью и социальной стабильностью.

Межнациональные трения

Источниками противоречий на почве межнациональных (межэтнических) разногласий на территории России в анализируемом периоде стали несколько инцидентов, нашедших отражения в СМИ и социальных медиа.

1. Развитие скандала с национальными флагами на школьной дискотеке в ст. Ессентуская Ставропольского края. Так, 6 января с.г. глава СК России А. Бастрыкин **поручил** доложить о ходе проверки по факту противоправных действий в отношении школьных учительниц из Ставропольского края. 25 декабря 2024 г. в школе № 7 во время предновогодней дискотеки один подросток стал **танцевать**, размахивая флагом Армении. Через некоторое время к танцам со своим национальным флагом перешла и юная представительница греческой диаспоры.

По данным соцсетей, педагоги якобы сорвали с детей флаги. После этого учительницы оказались под давлением представителей армянской общины, требующей провести проверку и привлечь их к ответственности. Также им стали поступать угрозы от неизвестных лиц.

5 января 2025 с.г. в администрации ст. Эссентукской заверили СМИ, что в местных школах инцидента, описываемого в соцсетях, не было.

Однако позже появилось сообщение, что глава округа и заместитель министра по национальной политике и делам казачества Ставропольского края В. Калхидов еще 26 декабря 2024 г. провели встречу с представителями армянской и греческой диаспор, а также с родителями и учеником, который был замечен с флагом. В обсуждении также поучаствовали сотрудники центра по противодействию экстремизму ГУВД Ставропольского края и ФСБ России. Было признано, что демонстрация флагов в подобной ситуации является некорректной. Флаги вернули в сохранности родителям.

6 января с.г. по факту появления угроз учительницам СК России начал процессуальную проверку по статьям 282, 213 УК РФ («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» и «Хулиганство»).

В современном мире спортивные мероприятия превратились в площадку для демонстрации не только физической подготовки, но и символических посланий. За последние 30–40 лет атлеты всё активнее используют флаги для выражения личной или коллективной принадлежности. Изначально эта практика закрепилась в дисциплинах, не регламентированных строгими международными стандартами, например, в профессиональном боксе или смешанных единоборствах (ММА). Однако со временем традиция вышла за рамки спорта, став элементом повседневной культуры.

Особую остроту явлению придает его политизация. В ряде случаев флаги трансформируются в особый инструмент демонстрации этнического или национального превосходства. Яркий пример – европейские города, где в районах компактного проживания мигрантов границы «своих» территорий нередко маркируются флагами стран исхода, региональной или этнической символикой, что создает визуальные барьеры, подчеркивая разделение сообществ, инородность. В России вопрос регулирования подобных практик, особенно в образовательной среде, решается на законодательном уровне. Для школ и вузов разрабатываются типовые уставы, чётко регламентирующие допустимую символику. В документах прописаны правила использования федеральных, региональных, корпоративных флагов, запрет на размещение знаков, способных спровоцировать межгрупповую напряженность. Акцент делается на воспитание гражданской идентичности при минимизации рисков экстремистских проявлений.

Таким образом, флаг из атрибута спортивной гордости превратился в многозначный символ, требующий взвешенного подхода – баланса между свободой самовыражения и сохранением общественной стабильности.

Ставрополье – многонациональный субъект, где исторически сильны риски трения между русским населением и представителями кавказских народов. Публичные демонстрации этнической идентичности в данном регионе могут восприниматься через призму межгрупповой конкуренции.

Использование флагов (например, чеченского, дагестанского или азербайджанского) в образовательном учреждении было интерпретировано

как вызов идее «российской гражданской нации», что противоречит установкам на укрепление общенациональной идентичности. Надо заметить, что локальный случай стал вирусным: радикальные паблики и националистические группы раздули тему, добавляя в повестку миграционные страхи и обвинения власти в «попустительстве». Управление образования края рекомендовало всем школам согласовывать сценарии праздников с юристами, исключая любую символику, кроме российской и региональной (ставропольской). В станице участились споры в соцсетях, зафиксированы случаи оскорблений на этнической почве среди подростков, а сама история конфликта стала примером «тлеющего конфликта идентичностей» в регионах с пестрым национальным составом, что спровоцировало дискуссии о роли школы в интеграции мигрантов и тех или иных этнических меньшинств.

Ключевой вопрос на пути урегулирования такого рода инцидентов: как сохранить право на этническое выражение, не нарушая принципов гражданского единства? Нужны ли отдельные образовательные программы, разъясняющие границы культурной традиции и вызывающего политического активизма? Как избежать субъективных трактовок устава школы, чтобы запретительные механизмы не выглядели дискриминацией или крайне избыточными мерами?

Инцидент в ст. Ессентукской высветил системную проблему – отсутствие четких механизмов гармонизации многообразия в образовательной среде. Для предотвращения подобных скандалов требуется не только регламентация символов, но и диалог с родителями, учениками и этнокультурными объединениями, чтобы школа оставалась пространством единства, а не раскола.

2. Риски форсирование межнационального акцента в земельном споре фермеров в Ростовской области. 13 января с.г. в «Русскую Общину» **обратились** за помощью фермеры из Сальского района Ростовской области. По их словам, местный крупный предприниматель А. Татеосян изымает их земли, используя финансовый, силовой и административный ресурсы. По словам фермеров, ему помогают администрация Сальского района, а также заинтересованные лица из СПК «Русь». Для отъема их земель используются как мошеннические, так и откровенно бандитские схемы: оформление и переоформление земель на подставные лица, организация проверок с силовым отъемом зерна, сена, скота или имущества, подлоги в МФЦ и со стороны местных чиновников. Тем, кто сопротивляется или не согласен с потерей земли, угрожают убийствами и разорением, убивают их скот.

А. Татеосян **является** владельцем и руководителем компании «МАСИС», которая работает с 2001 г. и специализируется на выращивании и продаже зерновых, зернобобовых культур, семян и грибов. А. Татеосян считает, что в его адрес осуществлена клевета «с межнационалкой». По его словам, местным не нравится, что «кто-то, еще и нерусский, здесь как-то развивается». Хотя сам он родился в этом районе, окончил школу, институт и работает с 19-и лет. Он заявил, что готов к проверке, «только пускай и меня проверят, и их». При этом он не отрицает не разрешенного конфликта с депутатом – казаком В. Вакулой, на

которого А. Татеосян подал заявление в СК России, обвинив в клевете: депутат якобы назвал его вором.

Активисты «Русской Общины» Ростовской области **взяли** пострадавших под свою физическую и юридическую защиту. В региональном СУ СКР **выясняют**, имело ли место превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ). Ситуацией заинтересовался глава СК России А. Бастрыкин.

Попытка А. Татевосяна сфокусировать внимание на межнациональном подтексте разгоревшегося конфликта в споре с русскими фермерами, выдвигая ответные обвинения, вероятно, указывает на его осознание слабых позиций в рамках возможной проверки и расследования. Тактический упор на этническую составляющую может быть попыткой перевести правовой спор в плоскость межгрупповой напряженности, что затруднит объективную оценку фактов. Включение в процесс «Русской Общины», вероятно, блокирует возможность подключения к делу армянских диаспоральных структур, которые могли бы оказать А. Татевосяну поддержку, мобилизовав ресурсы сообщества.

Примечательно, что резонанс вокруг конфликта сформировался именно благодаря его этнополитической окраске, что создает риски дальнейшей эскалации в траектории, где в ближайшее время местные СМИ, ориентируясь на запрос аудитории, могут начать активно освещать криминальные эпизоды с участием армян, усиливая стереотипы. Подобная тенденция способна спровоцировать рост взаимных обвинений между группами, давление на правоохранительные органы с требованием «жестких и объективных решений», маргинализацию армянского сообщества в регионе, даже если большинство его представителей не вовлечены в инцидент.

Ситуация требует сбалансированного подхода. Расследование должно фокусироваться на конкретных нарушениях, исключая этнизацию процесса. Властям и СМИ важно избегать генерализации, отделяя действия индивида от всей общины. Инициирование переговоров между представителями общин поможет снизить градус противостояния, предотвратив/исключив его возможную трансформацию из локального конфликта в системный кризис доверия.

Таким образом, манипуляция этническим фактором в данном кейсе – не столько защита, сколько рискованный шаг, способный дестабилизировать межгрупповые отношения в регионе. Купирование последствий зависит от способности институтов сохранить нейтралитет и не допустить политизации правоприменительной практики.

3. Риски расширения использования ресурсной базы «баталхаджинцев» в интересах спецслужб Украины. 13 января с.г. СМИ **сообщили**, что в уголовном деле о теракте 17 декабря 2024 г. в г. Москве, жертвами которого стали военачальник генерал-лейтенант И. Кириллов и его помощник, появились два новых фигуранта. Так, по версии следствия, сообщниками исполнителя теракта, совершенного по заданию украинских спецслужб, гражданина Узбекистана А. Курбанова, являются два уроженца Ингушетии: Б. Точиев и Р. Падиев. Они **обеспечили** ему съемное жилье в г. Электроугли Московской области, где А. Курбанов должен был отсидеться после теракта.

16 января с.г. СК России [сообщил](#), что помощь А. Курбанову Б. Точиев и Р. Падиев стали оказывать еще с ноября 2024 г., действуя по указанию пока не установленного куратора. Они задержаны, им предъявлены обвинения по п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ («Совершение террористического акта организованной группой»). 25-летний Б. Точиев и 22-летний Р. Падиев – выходцы из сел Сурхахи и Яндыре Назрановского района Ингушетии – мест компактного проживания религиозной общины баталхаджинцев⁴ (ее боевое крыло в феврале 2023 г. признано террористической группировкой, запрещено в России).

В то же время, 16 января с.г. представитель вирда Батал-Хаджи [заявил](#), что Б. Точиев и Р. Падиев якобы «добровольно ушли из вирда». Считается, что они стали салафитами, сторонниками имама Хусейна Мержоева, который критикует баталхаджинцев. По заявлению редакции СМИ-иноагента, в ее распоряжении даже имеется видео, на котором видно, как Х. Мержоев осенью 2024 г. встречает Б. Точиева в аэропорту Магаса.

Есть вероятность, что украинские спецслужбы смогли установить взаимодействие с рядом религиозных общин Северного Кавказа, включая последователей суфийского вирда баталхаджинцев и приверженцев салафитского течения. Эти контакты опираются на разветвленные клановые и религиозные сети, что позволяет Киеву формировать в регионе неформальную инфраструктуру влияния. Через обширные родоплеменные и духовные каналы украинские операторы получают доступ к локальным сообществам, где авторитет старейшин или религиозных лидеров остается непререкаемым. Эти связи могут использоваться скрыто – то есть без полного информирования участников об истинных целях операций. Например, рядовые члены общин, следуя указаниям вышестоящих в иерархии, способны выполнять задачи, не связанные напрямую с их религиозной практикой.

Баталхаджинцы (суфийский вирд) – структурированы вокруг духовного авторитета шейхов, что упрощает централизованное управление. Салафиты – в отличие от суфиев, ориентированы на буквальное следование исламским нормам, но их децентрализованность, как правило, компенсируется радикальным и экстремистским идеологическим потенциалом. Вовлечение религиозных групп во внешние проекты может усилить внутренние противоречия между традиционными течениями (суфизм) и салафитами.

Подобные связи создают «серую зону» влияния, где религиозная лояльность становится ресурсом для внешних игроков. Однако их устойчивость зависит от сохранения контроля над ключевыми узлами сетей – духовными лидерами и клановыми авторитетами.

⁴ *Примечание.* Баталхаджинцы – последователи религиозно-суфийского течения (вирда), основанного ингушским духовным лидером Батал-Хаджи Белхароевым (1824–1909). Этот вирд входит в состав более крупного суфийского тариката (братства) Накшбандийя, одного из двух основных направлений суфизма в Чечне (наряду с тарикатом Кадирийя). Б.-Х. Белхароев был авторитетным шейхом, жившим в период Кавказской войны (XIX век). Его учение формировалось в условиях противостояния Российской империи, что существенно повлияло на акцент духовного подвижничества и сопротивления внешнему давлению. Вирд Батал-Хаджи не является самым массовым в Ингушетии. Однако баталхаджинцы сохраняют свою идентичность и продолжают передавать учение через цепочку духовной преемственности (иснад).

Религиозный аспект

В современной России и мире межрелигиозные (межконфессиональные) отношения приобретают совершенно многомерный характер, формируя как точки сотрудничества, так и очаги напряженности. Особое внимание привлекает роль молодежи, ставшей ключевой аудиторией для религиозных организаций. Традиционные религии, конфессии и новые духовные практики активно вовлекают молодое поколение через образовательные проекты, цифровые платформы и социальные инициативы, видя в нем основу для укрепления своего влияния.

Однако именно эта возрастная группа, в силу максимализма и поиска идентичности, чаще всего становится объектом радикальных идеологий, что усложняет межрелигиозный диалог. Глобализация обнажила цивилизационные границы: противостояние православного Востока и католическо-протестантского Запада, конфликтные линии между исламским миром, христианскими обществами и буддийскими регионами. Эти «культурные разломы» проявляются не только на уровне геополитики, но и в повседневных практиках, где религия становится инструментом структурирования социума. Религиозные нормы регулируют поведение, формируют этические кодексы, но одновременно создают барьеры между группами из-за различий в: ценностных системах (например, отношение к семье, гендерным ролям), символическом языке (ритуалы, атрибутика), социальных практиках (праздники, пищевые запреты).

Препятствием для гармонизации межрелигиозных/межконфессиональных отношений остается убежденность адептов каждой религии в монополии на истину. Установка «наша вера – единственно верная» блокирует компромиссы, переводя диалог в плоскость конфронтации. Это усугубляется в полиэтнических регионах, где религиозные различия «наслаиваются» на этнокультурные, превращая веру в маркер «свой–чужой».

Религиозный подтекст часто прослеживается в резонансных событиях, в частности, в попадающих в объектив исследования при подготовке настоящего экспертного-аналитического материала. Этот подтекст содержался в событиях, связанных со спорами вокруг строительства культовых объектов в городах со смешанным населением, конфликтами в образовательной среде из-за символики или дресс-кода (ношение хиджаба и никаба), использование разных религиозных нарративов в политических протестах.

Преодоление раскола требует институционального диалога, т.е. создания площадок для дискуссий между лидерами конфессий при участии государства; просветительских программ как способа внедрения основ религиоведения в образование для борьбы со стереотипами; медиации на локальном уровне – разрешения бытовых конфликтов через призму взаимного уважения, а не обострения доктринальных противоречий. Межрелигиозные отношения сегодня – зеркало глобальных трансформаций. Их устойчивость зависит от способности обществ отделять духовное от политического, сохраняя многообразие в рамках общего правового и культурного поля.

Так, в анализируемом периоде религиозную коннотацию в негативном разрезе имело одно событие, сконцентрировавшее внимание общественности.

16 января с.г. Духовное управление мусульман Российской Федерации [сообщило](#) о том, что на этой неделе эксперты и члены Совета улемов в Турции «посещают лекции и обсуждают темы» в рамках обмена опытом в сфере разработки богословско-правовых заключений (фетв). Встречи проходят в Анкаре в рамках подписанного в 2022 г. Меморандума о сотрудничестве между ДУМ РФ и Управлением по делам религии Турции.

ДУМ РФ сообщило, что участники обсуждений рассмотрели актуальные вопросы в сфере партнерских (исламских) финансов, медицины, определения времени намазов и поста. Особое внимание турецкие и российские богословы уделили вопросам сохранения семейных и духовно-нравственных ценностей.

Среди [участников](#) делегации из России – богословы из Совета улемов ДУМ РФ, в том числе и муфтий Москвы И. Аляутдинов.

Диянет (тур. Diyanet İşleri Başkanlığı) – официальный государственный орган Турции, ответственный за регулирование религиозной жизни в стране. Созданный в 1924 г. в рамках государственных реформ Ататюрка, он отражает принцип светскости государства, но при этом координирует деятельность, связанную с исламом – доминирующей религией в Турции. Его ключевая роль – баланс между секуляризмом и удовлетворением религиозных потребностей граждан.

Основные цели Диянета:

1. *Обеспечение религиозных услуг.* Организация богослужений в мечетях, подготовка и назначение имамов. Издание и распространение религиозной литературы (Коран, хадисы, проповеди). Проведение обрядов (никах, похороны, праздники).

2. *Поддержка умеренного ислама.* Противодействие радикальным течениям (салафизм, ваххабизм) через пропаганду ханафитского мазхаба – традиционной для Турции школы исламского права. Формирование «толерантного» исламского дискурса, совместимого с светскими нормами.

3. *Управление религиозным образованием.* Контроль над курсами по исламу в школах и медресе. Подготовка кадров (имамы, проповедники) на теологических факультетах и институтах.

4. *Межконфессиональный и межрелигиозный диалог.* Взаимодействие с немусульманскими общинами в рамках светского законодательства. Участие в международных проектах по укреплению межрелигиозного взаимопонимания.

5. *Организация хаджа.* Координация паломничества турецких граждан в Мекку, включая логистику и правовую поддержку.

Ключевые задачи Диянета:

– нейтрализация экстремизма путем мониторинга религиозных групп для предотвращения радикализации общества;

– издание фетв как разъяснение религиозных норм через официальные заключения (фетвы), соответствующие государственной политике;

– социальная интеграция – использование мечетей в качестве центров просвещения для борьбы с маргинализацией и ксенофобией;

– культурное наследие – сохранение исторических мечетей и религиозных объектов как части национальной идентичности.

Диянет нередко обвиняют в продвижении идеологии правящей партии (например, в поддержке внешнеполитических турецких инициатив, в частности, «пантюркизма»). Алевиты (около 15–20% населения) критикуют Диянет за игнорирование их нужд, так как управление ориентировано на суннитское большинство. Диянет активно расширяет деятельность за рубежом, открывая культурные центры и мечети в Европе, Азии и Африке. Это часть «мягкой силы» Турции, направленной на укрепление позиций страны как лидера мусульманского мира. Диянет возвращает нужных им имамов, лидеров мнений и богословов, которые затем проповедуют по всему миру, в том числе и в России. Как следствие, большое количество псевдоучителей ислама, вещающих в сети «Интернет» для русскоязычных мусульман, проживают именно в Турции.

Некоторые функционеры ДУМ РФ после таких семинаров фактически **выполняют** функцию иностранных агентов, поскольку начинают выступать за никабы, замещающую миграцию, многоженство, требуют переписать официальную историю России. В официальном отчете о визите в Анкару ДУМ РФ подчеркнуло, что обсуждаемые с турецкими коллегами темы имеют «стратегическое значение для России и Турции». В сообщении отмечалось, что эти вопросы «неоднократно выделялись президентом В. Путиным как ключевые для сохранения единства страны и её историко-культурных устоев», а также «способствуют развитию практики издания фетв в российских реалиях».

Однако подобные тезисы звучат крайне неоднозначно на фоне серии резонансных инициатив, инициированных самим ДУМ РФ. Среди них:

1. Публичная защита ношения паранджи и никаба – элементов одежды, ассоциирующихся с радикальными течениями ислама, что вызвало критику со стороны светских активистов и части мусульманской уммы.

2. Образовательные лекции в вузах, где предпринимались попытки пересмотреть традиционные исторические нарративы. В частности, продвигалась идея, что истоки российской государственности следует искать не в Крещении Руси или преодолении ордынского влияния, а в политическом наследии Золотой Орды и Хазарского каганата.

3. Легитимация многоженства через принятие соответствующей фетвы, противоречащей российскому законодательству и светским нормам.

Эти шаги, по мнению экспертов, де-факто создают параллельную систему ценностей, противопоставленную конституционным российским принципам, а сама риторика о «защите исторических основ» в таком контексте выглядит, скорее, инструментом маскировки деструктивной деятельности, направленной на раскол общества.

Ключевые претензии критиков деятельности ДУМ РФ состоят в «двойных стандартах», когда заявления о лояльности государству сочетаются с продвижением идей, подрывающих гражданскую идентичность, имитации диалога; в том, что

акцент на «фетвотворчестве» не решает реальных проблем мусульманских сообществ (социальное неравенство, радикализация), а служит символическим жестом; наконец, в том, что партнерство с турецкими структурами вызывает вопросы о возможном лоббировании интересов третьих стран под видом межрелигиозного сотрудничества.

Деятельность ДУМ РФ вместо укрепления межконфессионального мира провоцирует рост недоверия как со стороны немусульманского населения, так и внутри самой уммы. Для восстановления доверия организации необходимо отказаться от маргинальных инициатив и сосредоточиться на интеграции мусульман в правовое и культурное поле России, без конфронтации с ее историческим выбором.

Внешний фактор

В рамках мониторинга межнациональных и межрелигиозных отношений в России в январе 2025 года выявлена системная активность деструктивных сил, включая специальные зарубежные структуры и киевский режим. Их основная цель – фрагментировать российское общество по этническим, религиозным и социальным признакам, используя СМИ и ресурсы, включая издания со статусом «иностранных агентов»; различные Telegram-каналы, распространяющие ложные данные для формирования негативных стереотипов о народах России; целевые кампании против отдельных народов, когда украинский ЦИПСО (Центр информационно-психологических операций) акцентирует внимание на трениях с их участием в зоне СВО и других регионах, стремясь вызвать неприязнь у остальных россиян.

Особую опасность представляют тактики информационно-психологических операций, направленные не только на внутреннюю аудиторию, но и на жителей присоединенных территорий. Например, перенос миграционной проблематики российских мегаполисов на Донбасс с нарративом «не хотим, как в России!», эксплуатирующим страх перед конфликтами с мигрантами.

Стратегические цели внешних сил:

1. Срыв гражданской консолидации. Смещение фокуса общественного внимания с целей СВО на внутренние противоречия. Поляризация общества через актуализацию культурных, этнических и религиозных различий.

2. Подрыв общероссийской идентичности. Продвижение идей этноцентризма и сепаратизма, противоречащих концепту надэтнической гражданской нации. Искажение истории (фальсификация военных побед, поддержка региональной этнократии).

Сегодня наблюдается усиление этнических и религиозных идентичностей как ответ на глобализацию, несущую риски унификации культур, возможной утраты цивилизационного суверенитета. А культурная экспансия коллективного Запада, навязывание неолиберальных ценностей, разрушающих традиционные устои, становится одной из ключевых угроз национальной безопасности. Западные проекты основаны на сегрегации (этнической, религиозной), тогда как российская модель – на интеграции разнообразия в единое гражданское поле.

Ключевые направления деструктивного воздействия состоят в:

1. социально-экономических спекуляциях, т.е. увязывании экономических проблем с национальным или религиозным фактором (например, обвинения мигрантов в росте безработицы);

2. историческом ревизионизме, в том числе, в отрицание роли СССР и России в ключевых событиях мировой истории, дискредитации символов воинской славы;

3. поддержке маргинальных групп: финансирование этнорадикалов и религиозных экстремистов для создания «очагов напряженности».

Учитывая конкретные направления деструктивного воздействия внешних сил, целесообразно предположить возможные риски эскалация конфликтов – искусственное раздувание локальных инцидентов до уровня межнациональных столкновений.

Так, заслуживающим внимания резонансным событием в анализируемом отчетном периоде является признание Украиной т.н. «геноцида черкесского народа». 9 января 2025 г. Верховная Рада Украины **приняла** (на укр. яз.) постановление № 11347, в котором признает, что «массовое уничтожение черкесов (адыгов) и их насильственное изгнание с исторической родины в Османскую империю в период Кавказской войны 1763–1864 годов имеет все признаки геноцида». Его поддержали 232 из общего числа 450 депутатов.

Верховная Рада призвала все страны и международные организации, которые еще не признали массовое уничтожение черкесов «геноцидом», сделать это, а Россию – признать это преступление и извиниться за него.

Кроме того, в постановлении признается право черкесского (адыгского) народа в диаспоре на репатриацию на земли прежнего расселения в северо-западной части Кавказа. Инициатором принятия постановления **стал** скандальный депутат ВР от партии «Европейская солидарность» А. Гончаренко – как «соавтор и первый автор» постановления. Автором текста проекта является украинский политолог П. Жовниренко.

11 января 2025 года Международная Черкесская Ассоциация **выступила** с официальным заявлением, в котором отметила, что уже на протяжении многих лет малоизвестные люди от имени всего адыгского (черкесского) народа делают подобные обращения и призывают к действиям, ставя своей целью дестабилизацию обстановки в республиках Северного Кавказа. Заявление подписали руководители МЧА и восьми основных черкесских организаций Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Адыгеи, Ставропольского и Краснодарского краев, Северной Осетии-Алании и Абхазии.

В свою очередь, Федерация черкесских ассоциаций, в которую входят более 20 черкесских первичных организаций по всей Турции, руководитель движения «Свободная Черкесия» (признана террористической, запрещена в России) Ибрагим Яганов (внесен в реестр иноагентов), а также ряд зарубежных активистов **назвали** постановление ВР Украины серьезным шагом на пути принятия подобных решений другими странами, особенно на постсоветском пространстве, дающим им шанс на возвращение на родину.

Принятие скандального документа, инициированное Анкарой, является элементом стратегии по дестабилизации южных регионов России. Основная цель – разжигание антироссийских настроений через создание сети радикальных групп, действующих под прикрытием «национально-освободительной» риторики. Вероятнее всего, геополитический замысел Турции предполагает формирование непрерывной зоны межэтнической конфронтации, протянувшейся от Абхазии и Краснодарского края через Ставрополье до республик Северного Кавказа (Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия). Потенциальные инструменты:

1. Инфраструктура экстремизма. Подготовка боевиков, финансирование подпольных ячеек, пропаганда через прокси-СМИ.

2. Исторические спекуляции. Манипуляция темами репрессий, депортаций, территориальных споров и культурной автономии для мобилизации маргинальных групп.

3. Координация с радикальными диаспорами – использование турецких НКО и религиозных структур для вербовки сторонников.

К рискам следует отнести возможный рост террористических угроз в стратегически важных регионах, эрозия доверия между этническими сообществами, искусственно подогреваемая извне, а также попытки Турции позиционировать себя как «защитника» кавказских народов, вмешиваться во внутренние российские дела.

Аналитики отмечают, что подобные шаги Турции связаны с амбициями восстановить неосманское влияние, используя слабые точки России.

Противодействие требует не только силовых мер, но и усиления межнационального диалога, а также разоблачения турецкого вмешательства в международных форматах.

В общем и целом, данное событие укладывается в логику и содержание т.н. «черкесского вопроса».

Черкесский вопрос – комплекс исторических, политических и культурных проблем, связанных с трагической судьбой черкесского народа (адыгов) в результате Кавказской войны (1763–1864) и ее последствий, сохраняет свою актуальность как внутри России, так и на международной арене, затрагивая вопросы исторической памяти, прав коренных народов и межгосударственных отношений.

В ходе многолетней Кавказской войны Российская империя установила контроль над Северным Кавказом. Окончательное поражение черкесов в 1864 г. привело к массовому исходу (мухаджирству) сотен тысяч человек в Османскую империю. Численность народа сократилась в разы, а историческая родина (Черкесия) перестала существовать как единое пространство. Черкесские организации и часть историков называют события XIX века геноцидом, требуя его международного признания. В 2011 г. Грузия первой официально признала геноцид черкесов, что обострило ее отношения с Россией.

Активисты настаивают на официальной оценке событий со стороны России и мирового сообщества. В мире проживает около 5–7 млн черкесов (в

России ~700 тыс.). Потомки мухаджиров в Турции, Сирии, Иордании и других странах сталкиваются с трудностями при возвращении на историческую родину из-за достаточно жесткого миграционного законодательства России. Часть усилий активистов связана с борьбой за сохранение языка, традиций и территориальной идентичности в условиях ассимиляции.

Сегодня «Черкесский конгресс» и «Адыгэ Хасэ» – ключевые структуры, отстаивающие права черкесов. В 2014 г. активисты протестовали против проведения Олимпиады в Сочи, считая эти земли местом трагедии своего народа. Российские власти не признают термин «геноцид», подчеркивая, что трагедия XIX века – часть сложного исторического процесса. В 1990-х годах были созданы Республика Адыгея, Карачаево-Черкесия и Кабардино-Балкария, но черкесы остаются меньшинством даже в этих субъектах. Миграционное законодательство затрудняет репатриацию, хотя после войны в Сирии Россия временно упростила въезд для сирийских черкесов.

Очевидно, что Турция использует «черкесскую карту» для давления на Москву, поддерживая диаспору и националистические группы. Киев и Тбилиси рассматривают черкесский вопрос как инструмент ослабления российской позиции на Кавказе.

Современные вызовы и перспективы, связанные с «черкесским вопросом», могут быть выражены в напряженности между стремлением черкесов к самоидентификации и политикой унификации в рамках российской гражданской нации, а маргинальные группы в диаспоре могут быть вовлечены в антироссийские проекты.

Таким образом, «черкесский вопрос» – это не только прошлое, но и настоящее, его разрешение требует диалога между российскими властями и черкесскими сообществами, признания исторических травм и поиска баланса между интеграцией и сохранением уникальной идентичности.

Выводы

В настоящих условиях, связанных с проведением Российской Федерацией специальной военной операции и сложной социально-политической обстановкой в мире, сохраняются высокие риски и угрозы для российской межнациональной и межрелигиозной сферы, имеющие значительный ресурсный потенциал в части дестабилизации внутренней социально-политической обстановки, разобщения российского общественного организма по различным социальным основаниям и идентификациям.

В январе 2025 г. в России наблюдается сохранение тенденций, которые были свойственны для межнациональной и межрелигиозной среды в прежние отчетные месяцы. Сохраняются высокие риски эскалации межнациональных конфликтов, особенно в крупных городах и многонациональных регионах.

Это связано с несколькими факторами.

Существуют серьезные риски усиления враждебности и предвзятости к цыганам в России, что может привести к развитию ромофобии и социальным

конфликтам, что требует внимания и крайне решительных действий со стороны властей. Рейды не решают коренные проблемы, а лишь усиливают изоляцию и недовольство. Важно внедрение подходов к решению проблем, ориентирующихся на интеграцию и социальную поддержку данных групп населения.

Для эффективного разрешения проблемы, связанной с интеграцией цыган в российский социум, необходимо работать в следующих направлениях: улучшение образования, создание рабочих мест, улучшение жилищных условий и поддержка культурной идентичности. Для преодоления социальной изоляции цыган в России важно активно способствовать их оседлости и интеграции в общественную жизнь, созданию рабочих мест, обеспечивать доступное образование и жилье, а также вести борьбу с дискриминацией этой этнической группы через законодательные и просветительские меры. Открытый и прозрачный диалог между цыганскими общинами, местными жителями и государственными органами может явиться залогом их успешной интеграции в российское общество.

В январе 2025 г. миграционная повестка в России продолжала оставаться важным и чувствительным вопросом, в значительной степени определяя динамику межэтнических и межрелигиозных отношений. Основные события в этой сфере связаны с высокой преступностью мигрантов, проявлениями с их стороны агрессии и насилия, последствиями ужесточения миграционной политики, которая была направлена на усиление контроля за миграцией, в первую очередь из стран Средней Азии, а также на повышение эффективности адаптации мигрантов.

Таким образом, ключевые события января 2025 г. в области миграции свидетельствуют о продолжающемся усилении контроля за миграционными потоками и попытках интегрировать мигрантов в российское общество. Однако эти меры также приводят к определенным вызовам, таким как нехватка рабочей силы, этническая изоляция и увеличение социальной напряженности.

Современные проблемы и процессы в межнациональных и межрелигиозных сферах в России являются результатом сложных взаимодействий различных этнических и религиозных сообществ. Основной задачей остается поиск путей для предотвращения конфликтов и усиления социальной интеграции, а также соблюдения баланса между уважением к культурному и религиозному разнообразию и сохранением единства страны.

Укрепление межнационального и межконфессионального согласия остается приоритетом государственной политики России, а предупреждение конфликтов на этнической и религиозной почве – одной из важнейших задач властей. Для достижения этих целей необходимо расширение взаимодействия с гражданскими институтами, повышение уровня правовой грамотности населения, корректировка регионального законодательства и усиление мониторинга ситуации с применением современных технологий. Важную роль играет личное участие представителей власти в урегулировании сложных вопросов, касающихся проявлений национализма и экстремизма. Следует

активно применять имеющиеся в законодательстве инструменты, развивать межведомственное взаимодействие и привлекать общественность и экспертов в качестве посредников в вопросах межнационального и межрелигиозного взаимодействия.

Сохранение стабильности межнациональных отношений требует комплексного подхода, включающего:

- создание эффективных механизмов социальной адаптации мигрантов;
- активную борьбу с экстремизмом и ксенофобией;
- поддержку этнокультурного диалога;
- повышение уровня толерантности в обществе.

Для обеспечения устойчивости в сфере межнациональных отношений важно учитывать влияние внешнеполитических, социально-экономических и этнокультурных факторов. Развитие демократических институтов, уважение к культурному многообразию и предотвращение дискриминации являются ключевыми элементами стабильности и межэтнического согласия в России.

ЦСПИИТ РГГУ